

Смерть Бориса

Иногда, желая похвалить какого-нибудь актера, говорят: «Он играет не на технике», вкладывая в слово «техника» пренебрежительный смысл.

Так как же с ней быть — с этой самой техникой? И вообще, что под ней подразумевается?

Профессиональная техника, конечно, необходима: хорошая дикция, умение двигаться, владеть своим телом и тому подобное. Это — актерская азбука.

В моем понимании, владение техникой — это внутренняя подвижность, готовность в любой момент на высшие проявления, каждодневная мобилизация самого себя с утра и до вечера. Подчинение своего настроения и, может быть, и использование его. Я думаю, что такое понятие, как вдохновение, тоже является техникой. Ведь что такое вдохновение? Это — радость от умения, внутренняя свобода: когда тебе подвластны течение спектакля, его ритм, его музыка, когда ты готов принять любое движение партнера, готов к импровизации...

Конечно, техника необходима. Нельзя же каждый вечер буквально переживать смерть близкого человека или свою собственную. Но сыграть истинно, сыграть приблизительно к полному актер просто обязан.

В связи с этим расскажу одну историю.

Анатолий Эфрос ставил в Центральном детском театре пушкинского «Бориса Годунова». Воронов играл царя Бориса, я — царевича Федора. И вот, как мы ни бились, не получалась у нас сцена смерти Бориса и прощания его с сыном. Не получалась — и все!

Сцена известная. Умиравшего царя вносят бояре. Вбегает царевич.

— Подите все, — говорит Борис. — Оставьте одного царевича со мной. Умираю! Обнимемся!

Царевич бросается к умирающему отцу, и тот дает ему наставления, как править государством и как вести себя:

— Прощай, мой сын, сейчас ты царствовать начнешь.

Разбираем сцену. Конечно, навивно думать, что Борис просто дает наставления. Скорее всего, это от страха за судьбу ребенка, который остается наследником среди бояр, перед которыми сам царь Борис часто бывал бессилем. Да еще царевна-дочь... Значит, это говорит отец, а не царь. И хочет он сказать своему сыну как можно больше. Нужно успеть, а смерть все ближе, ближе...

Кажется, все ясно, но не получа-

ется. И вот мы договорились с Вороновым встретиться до репетиции, кое-что попробовать и показать Эфросу. А договорились мы вот до чего: Иван Дмитриевич представит по-настоящему, мобилизовав всю свою фантазию, что он действительно умирает, настроится на это. А я представлю, что это умирает мой отец... Сговорились. Пришел Эфрос. Мы переглянулись и начали сцену.

...Я вбежал и увидел бледного Воронова в кресле. Губы у него

Без Москва. — 1999 — 28 янв. с. 6
Академия

Архив Льва Дурова

тряслись. Он открыл глаза, в них была жуткая боль.

— Умираю, обнимемся...

Я бросился к нему и зарыдал. Стал гладить его лицо, встречивать, отгоняя оцепенение. У Воронова по щекам потекли слезы.

— Советника, во-первых, избери... Для войска ныне нужен...

Из кресла он сполз на пол, а я лежал, уткнувшись в его колени, и рыдал. Вдруг речь Воронова стала сбивчивой, началось бормотание...

Я посмотрел на царя-батюшку и перестал играть. Лицо у него было

белым, как простыня, вокруг рта обозначился черный клин, глаза закатились. Он умирал!

Эфрос бросился к телефону и стал вызывать «неотложку». А я выскочил в фойе и стал орать:

— У кого есть что-нибудь от смерти?!

Воронов потерял сознание и лежал на стульях, куда его перенесли. Что-то ему дали или влили, я уже не помню, но он открыл глаза и сел.

— Вы с ума сошли... — говорил бледный Эфрос. — Да разве так

травильщиков

В издательстве «Алгоритм» выходит книга воспоминаний народного артиста Льва Дурова «Грешные записки». В ней драматические истории перемежаются трагикомическими, буффонадными, а порой и просто анекдотическими. В этом — весь Дуров, как назвали его однажды в Англии. Предлагаем вниманию читателей фрагменты из книги.

Эфрос был слишком серьезен, а мы — вроде скоморохов

все «академики» поверили. И если кто-то говорил «Не верю», претендующий на столь высокое звание должен был доказать правдивость своего рассказа.

Собирались обычно в гримборной перед спектаклем, когда все уже были в гриме и костюмах. Особенно выразительно это выглядело, например, перед спектаклем «Борис Годунов», когда среди «академиков» можно было увидеть царя-батюшку в бармах и шапке Мономаха, патриарха, бродяг-чернецов Михаила и Варлаама, князей и бояр в роскошных шубах. И у каждого была своя определенная тема: медицина, любовные истории, кино...

Рассказывали по очереди. Вот князь Шуйский убеждает всех, что у Анки-пулеметчицы были интимные отношения с Василием Ивановичем. Доказательства? Пожалуйста.

И князь начинал анализировать сцену, где Петька объясняет Анке устройство пулемета и при этом кадрится к ней. И тут на самом интересном — затмение. Ведь в те времена интимные сцены не показывали. Но! В следующем кадре появляется злой, как собака, Чапаев. Ему уже наверняка обо всем доложили, и он не находит себе места. Его, как Отелло, гложет яростная ревность! Возражений нет. Убедил.

Была у нас артистка Струкова. Она играла всех Баб Яг. Как-то она рассказывала:

— Пришла я однажды к врачу. А тот что-то пишет и, не глядя на меня, говорит: «Раздевайтесь». Я зашла за ширму, разделась и вышла. Врач поднял голову и чуть не свалился со стула. «Боже, — говорит, — что с вами?..»

Это была потрясающая Баба Яга. И вот она тоже пришла в Академию и говорит:

— А я вчера видела розовую собаку.

И кто-то с ходу сказал:

— Не верю.

— Да? — улыбнулась она своей очаровательной улыбкой. — А я сейчас пойду с вами и покажу то место, где стояла эта розовая собака.

И такого доказательства было достаточно.

За актером Устюговым были наивные новеллы.

— Вот я сижу вчера на берегу реки и ужу рыбу, — рассказывает он. — У меня была сигарета в зубах. Незаметно я задремал и упал в воду. Гляжу, а я уже на дне! И сигарету курю.

И на этот раз никто не сказал «Не верю», потому что он взял бы с собой свидетелей, пошел и показал тот берег, на котором он сидел.

Я попал на заседание Академии, как только пришел в театр.

— Ну, Дуров, — спрашивает председатель, — есть у тебя что-нибудь?

— Есть, — говорю. — Вот тут шофер ехал по горной дороге, потерял управление, выпал из кабины, зацепился челюстью за дерево и его оскальпировало. Потом его нашли, починили и сейчас он жив-здоров и снова за рулем.

Все вытаращили глаза, а председатель и говорит:

— Прости, старик, ты у нас первый раз, но мы тебе выражаем общее недоверие.

Очень я тогда обиделся и побежал на почтаamt звонить в Винницу, где я прочитал эту статью: «Срочно вышлите «Медицинский вестник»! И мне прислали. Я пришел на следующее заседание и положил им журнал на стол.

— Вот!

А там сидели Ефремов, Печников, другие известные артисты. Они просмотрели статью, изучили чертёж, по которым восстанавливали человека, и вынуждены были признать, что я оказался прав.

— Быть тебе, Дуров, председателем.

Иногда заходил Эфрос, останавливался в дверях и слушал. Но он не участвовал в заседаниях, потому что был человеком слишком серьезным и прекрасным понимал, что тут же проиграет. А мы что? Так, вроде скоморохов.